
ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА* **

1

Прошло немало времени, прежде чем мир признал, что мы в настоящее время живем под знаком величайшей экономической катастрофы, какую только знает новейшая история. Однако теперь, когда всякий обыватель заметил, что происходит, существует опасность, что он, не зная почему и отчего это происходит, впадет в другую крайность. Прежде, когда стали заметны первые признаки напряжения, ему не хватило разумной озабоченности, — теперь же он питает опасения, которые могут оказаться преувеличенными. Он начинает сомневаться в будущем — очнулся ли он от прекрасного сна и глядит в лицо мрачной действительности? Или же он является жертвой кошмара, который скоро исчезнет?

Сомнений быть не может: прежнее не было сном. То, что происходит сейчас, действительно кошмар, который исчезнет с рассветом, ибо источники природы столь же обильны, а изобретательность человека так же плодотворна, как и раньше. Темп наших достижений в деле разрешения материальных жизненных проблем не замедлился. Мы по-прежнему можем обеспечить каждому высокий уровень жизни — я подразумеваю, конечно, высокий по сравнению с тем, который мы имели, скажем, лет двадцать тому назад, — и мы скоро научимся создавать еще лучшие условия жизни. Мы не ошибались раньше. В настоящее же время мы попали в грандиозный хаос, ибо, руководя чувствительным механизмом, законов которого мы не понимаем, мы допустили грубый промах. В результате машина, которая могла бы повысить наше благосостояние, в течение некоторого времени — и, быть может, долгого времени — будет работать на холостом ходу.

Я сомневаюсь, удастся ли мне в этой статье достаточно ярко изложить читателю то, что носится передо мною в мыслях. Профану я скажу слишком много, а специалисту — слишком мало, ибо, пусть никто этому даже не поверит: политическая экономия — это техническая и нелегкая

* Публикуется по изданию (со стилистическими исправлениями): Буржуазные экономисты о мировом кризисе / Сб. под. ред. и со вступ. ст. А. Кашарского. Пер. Д. Струнунского. М.-Л.: Соцэкгиз, 1931. С. 164—181.

** Источник: Wirtschaftsdienst. 1930. Dezember 19.

наука. Она даже собирается стать точной наукой. Я постараюсь, однако, сделать все, что смогу, хотя неизбежно придется упустить многое, необходимое для полного понимания современных процессов, потому что это было бы слишком сложно.

Прежде всего необходимо обратить внимание на необычайную остроту падения. В трех ведущих промышленных государствах — САСШ*, Великобритании и Германии — имеется 10 млн безработных. Едва ли где-либо имеется хоть одна важная отрасль промышленности, получающая достаточно прибыли, чтобы позволить себе расширение, а это и было бы критерием прогресса. Одновременно в сырьевых районах почти все важные продукты горной промышленности и сельского хозяйства продаются по ценам, не покрывающим издержек производства многих или большинства производителей. Такое же резкое падение цен в 1921 г. началось с повышенного уровня, при котором производители получали ненормально высокие прибыли; в истории последних лет мы не найдем примера столь быстрого и сильного падения цен с *нормального уровня*, какое мы имеем в истекающем году. Отсюда и размеры катастрофы.

Время, которое проходит до тех пор, пока производство понизится, а безработица достигнет своих максимальных размеров, по различным причинам гораздо продолжительнее в области сырья, нежели готовых изделий. В большинстве случаев предприятия в первой области мельче и хуже соорганизованы между собой, чтобы можно было добиться организованного ограничения продукции; время производства продолжительнее, в особенности в сельском хозяйстве. Издержки от временного закрытия предприятий больше; на предприятиях зачастую также работают и сами владельцы, и граница дохода, при котором они еще могут работать, лежит поэтому значительно ниже; социальные последствия увольнения рабочих в более примитивных по структуре организациях гораздо тяжелее, а финансовые последствия прекращения производства сырья гораздо более серьезны в областях, где это производство сырья должно поддерживать все существование народа. Но все же мы быстро приближаемся к моменту, когда производство сырья будет ограничено столь же сильно, как и производство готовых изделий; это, в свою очередь, окажет неблагоприятное обратное действие на фабрикантов готовых изделий ввиду того, что у производителей сырья не хватит покупательной способности для приобретения готовых изделий и т. д. Получается заколдованный круг.

В этом затруднительном положении некоторые производители питают иллюзорные надежды на действия, которые помогли бы отдельным производителям или группе их, пока они применяют их одни, но не по-

* САСШ — Североамериканские Соединенные Штаты, так именовали США в 20—30-х гг. XX в. — *Прим. науч. ред.*

могают никому, как только за них хватаются все. Так, например, ограничение производства какого-либо вида сырья будет поднимать его цену до тех пор, пока производство тех отраслей промышленности, которые применяют это сырье, не подвергается сокращению; но как только производство начинает повсюду ограничиваться, спрос на сырье падает так же быстро, как и предложение, и от этого никто не выигрывает. Другой пример: когда отдельный производитель или отдельная страна сокращает заработную плату, то пока другие не делают того же, это может оказаться выгодным этому производителю или стране, но когда заработная плата сокращается повсюду, покупательная способность всего общества уменьшается на ту же сумму, что и издержки производства, и опять никто из этого не извлекает выгоды. Тем самым ни ограничение производства, ни снижение заработной платы не способны сами по себе снова восстановить равновесие.

Кроме того, если бы даже в конце концов нам удалось снова возобновить производство при более низком уровне номинальной заработной платы, соответствующей, скажем, уровню цен довоенного времени, — это еще далеко не означало бы конца наших затруднений. Дело в том, что с 1914 г. на нас лежит огромная задолженность как национального, так и международного характера, выраженная в твердых денежных суммах. Всякое снижение цен тем самым увеличивает бремя этих долгов, ибо оно повышает ценность денежной единицы, в которой они выражены. Если бы, например, мы возвратились к довоенному уровню цен, то национальный долг Англии вырос бы на 40% по сравнению с 1924 г. и на 100% по сравнению с 1920 г.*; план Юнга представлял бы для Германии несравненно более тяжелое бремя, нежели план Дауэса, в невыносимости которого все были убеждены; задолженность союзников Соединенным Штатам по военным долгам представляла бы на 40—50% больше услуг и товаров, чем в тот момент, когда заключались соглашения; обязательства таких должников, как Южная Америка и Австралия, стали бы совершенно невыполнимыми без снижения их жизненного уровня в пользу кредитора; все сельские хозяева и домовладельцы всего мира, обремененные ипотечной задолженностью, обнаружили бы, что они стали жертвой своих кредиторов. Представляется сомнительным, чтобы в подобном положении было бы возможно принять своевременно необходимые меры в целях избежания ряда банкротств как частного, так и государственного характера, которые потрясли бы капиталистическую систему в ее основах. Все это было бы благоприятной почвой для агитации, восстаний и революций — и в некоторых частях света дело уже дошло до этого. Между тем родники природы остались бы столь же изо-

* Это предположение уже было реализовано: уровень оптовых цен в Англии достиг довоенного уровня, однако розничные цены — на 37% выше.

бильными, а изобретательность людей столь же плодотворной, как и раньше, но машина, вследствие этого хаоса, вышла бы из строя. Но из-за того лишь, что мы имеем дефект в механизме, не следует еще полагать, что мы скоро снова сядем в извозчицьи дрожки, а о езде на автомобиле придется забыть навсегда.

II

В нашей машине имеется дефект. Итак, как нам ее пустить снова в ход? Попробуем проследить ход событий:

1. Почему фабрики и рабочие не работают? Потому, что промышленники не верят в то, что они смогут без убытка продать продукцию работающих факторов производства.

2. Почему промышленники не могут рассчитывать на продажу без убытка? Потому, что цены понизились сильнее, нежели издержки производства, издержки производства понизились весьма незначительно.

3. Как возможно то, что цены понизились сильнее, нежели издержки? Дело в том, что издержки — это то, что коммерсант уплачивает за производство своего товара, а цены определяют, что он получает обратно при его продаже. Легко понять, что эти величины могут быть неодинаковыми для отдельного предприятия или товара.

Но разве в пределах всего народного хозяйства предприниматели не получают сумму, равную той, которую они уплачивают, поскольку то, что предприниматели выплачивают в процессе производства, образует доход общества, которое возвращает его предпринимателям в обмен на их продукты?

Ведь именно это мы понимаем под нормальным кругооборотом производства, обмена и потребления.

4. Нет, к несчастью, это не так — и в этом корень всех трудностей. Неверно, что то, что предприниматели выплачивают в виде издержек производства, непременно возвращается к ним в виде выручки за их изделия. Для периода подъема цен характерно, что валовой доход предпринимателей покрывает их издержки производства с избытком, а характерным для понижения является перевес издержек производства над ценами продаж. Кроме того, ошибочно полагать, что снижением своих общих издержек производства — путем ли ограничения производства или снижения ставок заработной платы — предприниматели безусловно смогут восстановить равновесие, ибо снижение их платежей может уменьшить их выручку от продажи приблизительно на ту же сумму, так как оно снижает покупательную способность получателей этих платежей, которые одновременно являются их клиентами.

5. Как все-таки возможно, что общие издержки производства всех предприятий мирового хозяйства могут расходиться с общим валовым доходом от продажи? От чего зависит это расхождение? Мне кажется,

что я знаю ответ, но для меня слишком сложно и непривычно изложить его здесь удовлетворительным образом. Поэтому я вынужден несколько поверхностно коснуться здесь этого вопроса.

Рассмотрим сначала предметы потребления, поступающие на рынок для продажи. От чего зависят прибыли (или убытки) производителей этих товаров? Общие издержки производства — что с другой точки зрения равнозначно совокупному доходу народного хозяйства — распределяются в известной пропорции на издержки производства предметов потребления и на издержки производства капитальных благ. Доход общества, который, в свою очередь, равнозначен общему доходу народного хозяйства, равным образом разделяется в известной пропорции на затраты для покупки предметов потребления и на сбережения. Если первое отношение больше второго, производители предметов потребления теряют деньги, ибо их валовой доход от продаж, равнозначный затратам публики на потребительские товары, меньше, чем то, чего стоило им производство этих товаров. Если, с другой стороны, второе отношение больше первого, то производители потребительских товаров получают сверхприбыли. Отсюда следует, что прибыли производителей предметов потребления могут быть восстановлены лишь за счет того, что публика затратит на подобные товары большую часть своего дохода, что означает уменьшение сбережений, или — что большая часть продукции примет форму капитальных благ, ибо это означает сравнительно меньшее производство потребительских товаров.

Но поскольку производители подобных благ не получают прибылей, то добавочных капитальных благ не производится. Так мы приходим к нашему второму вопросу: от чего зависят прибыли производителей капитальных благ? Они зависят от того, предпочитает ли публика держать свои сбережения в ликвидной, денежной форме или в чем-либо равноценном, или же обращает их на покупку капитальных благ или чего-либо равноценного. Если публика воздерживается от покупки последних из названных благ, то производители капитальных благ потерпят убытки; в результате будет произведено меньше капитальных благ, и в конечном счете в результате всего вышесказанного потерпят убытки и производители потребительских товаров. Иными словами, все группы производителей будут терпеть убытки. И отсюда последует всеобщая безработица. Так устанавливается заколдованный круг. В результате ряда действий и противодействий дела будут становиться все хуже и хуже, пока не произойдет что-либо, что способно повернуть колесо в обратную сторону.

Это слишком упрощенная картина весьма сложного процесса. Но я полагаю, что в ней содержатся все существенные моменты. Эту тему можно варьировать по-всякому. Можно рассмотреть любые контрапунктические вариации, но мелодия останется одной и той же.

Итак, если я стою на верном пути, то главной причиной напряженного состояния хозяйства является недостаток новых предприятий в результате неудовлетворительного состояния рынка для капитальных вложений. В результате международных экономических переплетений недостаточное с точки зрения мирового хозяйства производство новых капитальных благ влияет на товарные цены и на прибыли производителей во всех странах в равной мере.

Почему мы с точки зрения мирового хозяйства имеем недостаточное производство капитальных благ? Это объясняется, по моему мнению, совпадением ряда различных факторов. Прежде его следовало объяснять поведением кредиторов, ибо новые капитальные блага производятся в значительной мере с помощью займов. Теперь же его следует объяснять поведением кредитополучателей, так же как и поведением кредиторов.

Кредиторы по различным причинам ставили и ставят более тяжелые условия кредита, чем могут вынести новые вложения.

Прежде всего, кредиторы привыкли к получению более высоких ставок в связи с тем, что предприниматели некоторое время после войны, когда восстанавливались убытки, нанесенные войной, могли уплачивать более высокие проценты. Во-вторых, политические дебиторы, желавшие выполнить свои обязательства, банки, желавшие поддержать реставрированные золотые валюты, спекулянты, желавшие принять участие в повышении акций, а в последнее время дебиторы по нужде, желающие покрыть займами убытки, понесенные вследствие падения цен, — все они готовы были в случае необходимости принять почти любые условия — до сих пор позволяли кредиторам требовать от всех этих различных групп дебиторов более высокие проценты, чем мог нести настоящий предприниматель. В-третьих, беспокойное состояние мира и положение национальных рынков капиталов ограничили число стран, в которые кредиторы вообще готовы вкладывать капиталы на умеренных условиях. Значительная часть мира возбуждает по той или другой причине недоверие кредиторов, так что они ставят в счет столь большую премию за риск, что предпринимательская деятельность окончательно удушается. Во время последних двух лет два из трех важнейших государств-кредиторов — Франция и САСШ — сняли значительную долю своих средств с международного рынка долгосрочных кредитов.

Между тем сдержанность кредиторов натолкнулась на едва ли менее серьезную сдержанность со стороны дебиторов. Дело в том, что падение цен имело печальные последствия для тех, кто получал кредит. Всякий, кто колебался заключить новые займы для инвестиций, выиграл от своей нерешительности. Кроме того, дебиторов отпугивает риск, который пугает и кредиторов. Наконец, быстрый темп процесса вложений капитала в САСШ за последние 5 лет, — на данный момент, во всяком случае, по-

ка атмосфера депрессии продолжается, — несколько истощил возможности рентабельности для дальнейших вложений. Около середины 1929 г. новые капитальные вложения вне САСШ колебались уже на необычайно низком уровне. Снижение инвестиционной деятельности САСШ, которая в настоящее время стоит, вероятно, на 20—30% ниже уровня 1928 г., вызвало перелом. Тем самым во многих странах возможности для новых рентабельных инвестиций стали более ограниченными, нежели раньше, а в других — более рискованными. Таким образом, между представлениями кредиторов и дебиторов по вопросу о целесообразности новых вложений капитала разверзлась пропасть, так что сбережения кредиторов, вместо финансирования новых вложений, используются на финансирование убытков предпринимателей и дебиторов по нужде.

В данный момент понижение — вероятно, по психологическим причинам — зашло чересчур далеко. Поэтому возможна в любое время известная реакция. Однако, по моему мнению, настоящее улучшение может наступить не раньше, чем представления кредиторов и производительных дебиторов снова придут в гармонию — частично благодаря тому, что кредиторы выявят готовность расширить свое кредитование и предоставить кредиты на более легких условиях, а отчасти в связи с тем, что дебиторы снова наберутся мужества и станут охотнее кредитоваться.

Редко за всю новейшую историю между кредиторами и должниками разверзлась бы более широкая и более непроходимая пропасть. Если мы в твердом убеждении в правильности этого диагноза не направим нашу волю и нашу мысль на поиски выхода на этой почве, неудержимый крах может превратиться в депрессию, связанную с разорительными ценами, в депрессию, которая может развернуться на долгие годы и причинить неисчислимый ущерб благосостоянию и социальной устойчивости каждой страны. Лишь в том случае, если мы серьезно задумаемся над решением вопроса, можно будет оправдать оптимизм моих исходных посылок — по крайней мере для ближайшего будущего.

Указывать основные линии будущей политики не входит в задачи настоящей статьи. Но никто не может сделать первый шаг, кроме руководителей центральных банков важнейших стран-кредиторов. Совершенно недостаточно было бы такого изолированного выступления одного какого-нибудь центрального банка. Решительное выступление со стороны Федеральных резервных банков САСШ, Французского Банка и Английского банка могло бы помочь гораздо больше, чем готовы предполагать многие, принимающие симптомы или отягчающие обстоятельства за саму болезнь. Во всяком случае, наиболее действительное лекарство заключалось бы в том, чтобы центральные банки этих трех стран-кредиторов выработали смелый общий план восстановления доверия на международном кредитном рынке, для того чтобы снова оживить активность предпринимателей и поднять цены и прибыли так, чтобы в известный

срок колеса мировой торговли снова завертелось. И даже если бы Франция, держащаяся за свои золотые запасы, обеспечивающие ей устойчивость, предпочла остаться в стороне от этого проекта создания нового благосостояния, то я все же убежден в том, что Великобритания и САСШ, действуя единодушно, могли бы в известный срок снова пустить в ход машину при условии, что они будут руководиться твердым убеждением относительно причин зла, ибо, главным образом, отсутствие подобного убеждения парализует в настоящее время руководителей банков по обеим сторонам Ла-Манша и Атлантического океана.

